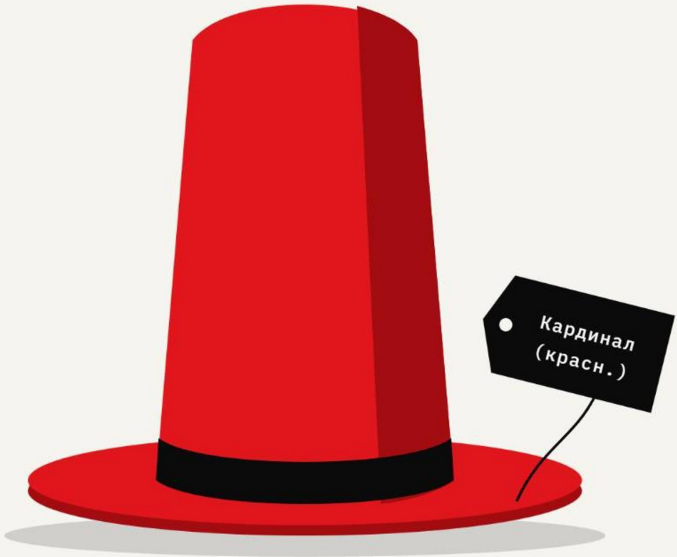
АНТОН АХРАМЕНКО

18+

ПРАВО НА ВОССТАНИЕ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ИСТОРИЯ ОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ · КНИГА ПЕРВАЯ

Антон Ахраменко

Право на восстание

https://litres.ru/74850662
SelfPub; 2026

Аннотация

Август 2024 года. Над школой 261 опускается туман — обычный, белый, без запаха — и не уходит. Связи с миром нет, продукты и свет появляются сами собой, взрослые делают вид, что всё в порядке.

Трое одиннадцатиклассников просиживают шесть часов в библиотеке, споря о Марксе. Потом один из них предлагает устроить революцию.

Через шестьдесят три дня директор подписывает отречение. Ещё через полгода у Школьной Коммуны есть советы, конституция, суд, гвардия и собственные деньги — и всё то, против чего она восставала. А за стенами, в ходах старого бомбоубежища, кто-то печатает фальшивки, и люди начинают умирать.

«Право на восстание» — роман о том, как подростки строят государство из всего, что прочли в учебнике истории, и как быстро оно начинает строить их. Политическая история взросления, антиутопия и детектив, где главный вопрос — кто стоит у тебя за спиной.

Для читателей старше 18 лет.

Содержание

Аннотация 5
От автора 6
Пролог. До тумана 8
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Антон Ахраменко
Право на восстание

История одной республики. Книга первая

Антон Ахраменко

Аннотация

Август 2024 года. Над школой № 261 опускается туман — обычный, белый, без запаха — и не уходит. Связи с миром нет, продукты и свет появляются сами собой, взрослые делают вид, что всё в порядке.

Трое одиннадцатиклассников просиживают шесть часов в библиотеке, споря о Марксе. Потом один из них предлагает устроить революцию.

Через шестьдесят три дня директор подписывает отречение. Ещё через полгода у Школьной Коммуны есть советы, конституция, суд, гвардия и собственные деньги — и всё то, против чего она восставала. А за стенами, в ходах старого бомбоубежища, кто-то печатает фальшивки, и люди начинают умирать.

«Право на восстание» — роман о том, как подростки строят государство из всего, что прочли в учебнике истории, и как быстро оно начинает строить их. Политическая история взросления, антиутопия и детектив, где главный вопрос — кто стоит у тебя за спиной.

Для читателей старше 18 лет.

От автора

Эта книга началась как шутка: а что, если устроить в школе революцию по всем правилам — с манифестом, декретами и ночными заседаниями? Шутка затянулась. Персонажи стали спорить, принимать законы, судить друг друга и стрелять, и смешно быть перестало.

Здание школы списано с настоящего: два крыла, галерея, внутренние дворики, спортзал с зелёными стенами и жёлтым верхом. Всё остальное придумано. Ученики, учителя и директор собирательные, любое сходство с живыми людьми случайно.

Туман — условность. Я не знаю, откуда он взялся и почему ушёл, и не буду делать вид, что знаю. Для этой истории важно не то, что за забором, а то, что внутри.

Многие слова героев взяты из настоящих документов: манифестов, декретов, присяг. Это не агитация и не насмешка. Мне было интересно, как идеи, обещающие свободу и равенство, оборачиваются судами без кодексов и охраной у каждой двери — и почему те, кто это строит, искренне верят, что поступают правильно.

В книге есть насилие и смерть. Я старался не смаковать ни то, ни другое.

«Право на восстание» — первая из двух книг. Вторая расскажет, что было, когда туман рассеялся.

Оглянитесь и проверьте шкаф.

Пролог. До тумана

Грабь награбленное.
В. И. Ульянов (Ленин)

17 августа 2024. Дома

— Коля! Кушать!

— Сейчас!

Он не поднял головы. Вариант двадцать третий, задание шестое: установите, в какой день император Николай Второй подписал акт об отречении от престола. Коля вписал в клеточки: второе марта тысяча девятьсот семнадцатого. Тёзка, подумал он и перевернул страницу.

— Остынет же!

— Иду!

Сборник был толстый, с жёлтой обложкой и сломанным корешком. На первой странице карандашом стояло: «Зиновьев Н., 10 “А”». Десятку он так и не исправил, хотя с первого сентября начинался одиннадцатый. Он заложил страницу ручкой, встал и потянулся так, что хрустнуло в плече. В кармане шорт что-то стукнуло о край стола.

Зажигалка. Синяя, прозрачная, из ларька у остановки, за сорок рублей. Он достал её и крутанул колёсико. Огонёк вскочил ровный и жёлтый. Коля подержал его секунду, погасил и сунул зажигалку обратно. Зачем он её таскает, он бы

не объяснил. Просто таскал.

В коридоре, напротив зеркала, висела фотография отца: фуражка, погоны, лицо серьёзнее, чем было на самом деле. Отца Коля помнил хуже, чем эту фотографию. Проходя мимо, он на неё не взглянул — так не смотрят на то, что висит на одном месте девять лет.

На кухне пахло щами. Мама стояла у плиты спиной к нему, в старой футболке с выцветшей надписью какого-то турслёта, и наливала половником, следя, чтобы капусты и мяса досталось поровну.

— Руки мыл?

— Мыл.

— Покажи.

Он показал. Мама посмотрела не на руки, а на него, и поставила тарелку на стол.

Кухня была маленькая, на двоих в самый раз. На подоконнике стояли алоэ и банка с крышками от пластиковых бутылок, которые мама собирала неизвестно для кого. За окном темнел двор: гаражи, два тополя, лавка, на которой никто никогда не сидел. Где-то за гаражами лаяла собака — лениво, по обязанности.

— Сумку собрал?

— Наполовину.

— Коля.

— Соберу. Там собирать нечего.

— Зарядку положи. И носки, нормальные, не эти твои.

Тапки. Таблетки от головы я тебе в кармашек сунула, не выкинь. — Мама села напротив и подпёрла щёку ладонью. — И свитер возьми.

— Мам, август.

— В августе тоже бывает холодно. Возьми.

Он кивнул, чтобы не спорить, и решил, что не возьмёт.

Щи были горячие, и он ел быстро, обжигаясь, как всегда, когда в голове было что-то другое. Мама смотрела, как он ест. В последний вечер перед отъездом она всегда так смотрела, будто запоминала, хотя ехал он не на войну, а за восемьдесят километров, в гимназию, где жил уже третий год.

— Ты классной сказал, куда поступаешь? — спросила она.

— Сказал.

— А она что?

— Сказала: «Ну-ну».

Мама засмеялась.

— Я тоже скажу «ну-ну». Политолог. Это кто вообще такой?

— Человек, который понимает, как устроена власть.

— А зачем её понимать? Её же всё равно не поменяешь.

— Вот поэтому и надо понимать, — сказал Коля и потянулся за хлебом.

Мама хотела что-то ответить, но не ответила. Помолчала, разглаживая пальцем складку на клеёнке.

— И обязательно в Питер?

— Там нормальные вузы. Не то что у нас.

— У нас тоже есть.

— У нас педагогический и сельхоз.

— Отец бы сказал: иди в военное, там хоть кормят.

Она сказала это легко, как говорят старую семейную шутку, но шутка вышла не до конца. Коля положил ложку.

— Отец бы сказал: делай как знаешь.

Мама посмотрела на него и спорить не стала. Встала и налила ему ещё, хотя он не просил.

Под столом пальцы сами нашли в кармане зажигалку. Щёлк. Щёлк.

— Ты куришь?

— Нет.

— А что щёлкаешь?

— Не знаю. Просто.

— Странный ты у меня, — сказала мама, и в голосе у неё было что-то такое, от чего Коля опустил глаза в тарелку.

После ужина он всё-таки собрал сумку. Зарядка, носки, тапки, полотенце. Спортивная форма: шесть лет он три раза в неделю ходил в зал единоборств на Советской и бросать не собирался, а спортзал в школе был, и грушу можно найти где угодно. Сборник он сунул сверху, чтобы не помялся. Подумал и положил рядом тонкую книжку в мягкой обложке, растрёпанную, с фиолетовым штампом городской библиотеки на форзаце. «Манифест Коммунистической партии». Взял её ещё в девятом классе и так и не вернул.

Мама заглянула в комнату, когда он застёгивал молнию.

— Это тоже к экзамену?

— Это для души.

— Ну-ну, — сказала мама и ушла смотреть телевизор.

Телефон завибрировал на кровати. Две эсэмэски, одна за другой.

«Ты завтра во сколько?» — Юра.

«Я уже тут. В душе опять нет горячей. Привози кипятильник», — Витя.

Коля ответил обоим: «Автобус в девять». Подумал и дописал Вите: «Кипятильника нет. Терпи, будь мужиком».

«Пошёл ты», — пришло через минуту, и Коля улыбнулся.

Лёг он поздно. За стенкой бубнил телевизор: кто-то кого-то спасал в сериале, потом пошли новости, потом мама выключила. Коля лежал на спине и смотрел в потолок, на трещину, похожую на реку с притоком. В Петербурге он никогда не был. Знал его по картинкам: вода, гранит, мосты, которые разводят по ночам. Ему казалось, что там, где разводят мосты, люди живут как-то правильнее, хотя он не смог бы объяснить почему. Ещё один год, думал он. Сдать, поступить, уехать. Один год.

Зажигалка лежала под подушкой. Он и сам не помнил, когда её туда сунул.

18 августа 2024

Утром мама проводила его до остановки. Автобус пришёл почти вовремя, белый, с пыльными боками. Мама поправила ему воротник, как маленькому, и он позволил.

— Позвони, как доедешь.

— Позвоню.

— Свитер взял?

— Взял, — соврал Коля и залез в автобус.

Школа стояла там же, где всегда: четыре этажа, крыльцо со ступенями и пандусом, клумбы с бархатцами, зелёная вывеска «Школа № 261». На фасаде панно с вечерним городом, который никто так и не узнал. Гимназия собирала своих за две недели до сентября — так было заведено давно: уборка, кружки, линейки, на которых ничего не происходило. В коридорах было шумно, как на вокзале: малышей разводили воспитатели, старшие таскали сумки и орали друг другу через весь этаж.

Вечером он позвонил маме, сидя на голом матрасе, пока сосед раскладывал вещи. Сказал, что доехал, что всё нормально, что горячей воды нет. Мама сказала: «Ну и хорошо» и «Кушай там нормально». Разговор занял две минуты.

19 августа 2024

— Коль. Коля. Глянь.

Пашка из Грязей, сосед по комнате, десятиклассник, стоял у окна в одних трусах и тыкал пальцем в стекло, будто там было что-то неприличное.

Коля сел на кровати. Было около семи. В комнате стоял серый, неопределённый свет, какой бывает, когда солнце не может решить, вставать или нет.

— Чего?

— Глянь, говорю.

Он подошёл к окну.

Окно выходило на внешний двор. Асфальт, мокрый, хотя дождя ночью не было. Клумбы. Зелёный забор. Ворота. А за забором — ничего.

Туман. Обычный туман: белый, ровный, без запаха. Такой бывает в августе над рекой рано утром. Только реки здесь не было, а была дорога, остановка, пятиэтажки, магазин на углу. Теперь ничего этого не было. Был забор, а за забором белое, как будто мир кончался там же, где кончалась школа. Справа, у самых ворот, из тумана торчала белая диагональная конструкция — то ли опора, то ли балка. Единственная вещь по ту сторону, которую вообще было видно.

— Туман, — сказал Коля.

— Да вижу, что туман, — сказал Пашка. — Густой какой.

— Разойдётся.

Он пошёл умываться.

К завтраку туман не разошёлся. В столовой о нём говорили все, но так, как говорят о погоде. Кто-то сказал, что горят торфяники, кто-то — что это с химзавода. Повариха, накладывая кашу, сказала: «Синоптики обещали». Что именно обещали синоптики, уточнять никто не стал. Интернет пропал ещё ночью — Пашка жаловался, что не досмотрел видео, — но это тоже было похоже на погоду: бывает, пропадает, потом появляется.

После завтрака Коля вышел на крыльцо. Там уже стоял

директор — полный, в мятой рубашке с коротким рукавом — и смотрел на ворота, держа в руке кружку. Из кружки пахло чем-то, кроме чая.

— Ну и погодка, — сказал директор ни к кому и ушёл внутрь.

После обеда Коля набрал маму. Гудков не было. Была тишина, долгая и плотная, потом что-то щёлкнуло, и вызов сбросился. Он набрал ещё раз. То же самое. Написал: «Мам, у нас туман, интернета нет, всё нормально». Сообщение повисло с часиками и не ушло.

Вите он написал «ты где». Ответ пришёл через десять секунд: «в библиотеке. тут тоже туман, прикинь».

Коля посмотрел на экран, на часики возле маминого сообщения, и почему-то не стал ничего говорить Пашке.

Днём малыши облепили забор. Стояли, держась за прутья, и смотрели в белое, пока воспитательница не загнала их обратно, крича, что нечего тут стоять, простудятся. Один, лет восьми, спросил, а что там.

— Там город, — сказала воспитательница. — Что там ещё может быть.

И это была правда.

К вечеру туман стоял так же. Не гуще и не реже — просто стоял, как стоит стена. Свет фонарей у ворот уходил в него на метр и пропадал. Коля сидел на кровати; сборник лежал рядом, раскрытый на том же задании про отречение. Пашка спал, отвернувшись к стене, в наушниках, из которых ничего

не играло.

Коля достал зажигалку и щёлкнул. Огонёк вскочил ровный и жёлтый, в тёмном стекле отразился второй такой же, а за ним было только белое.

Он погасил огонь и лёг.

Туман не ушёл ни утром, ни через неделю.

Он простоял год и одиннадцать дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.